

Через два дня наконец пришли окончательные результаты обследования дяди: тонкая папка с тиснёным гербом военного госпиталя, которую медсестра положила на тумбочку с тихим, сухим стуком. Диагноз «ишемическая болезнь сердца» не подтвердился, и от этой новости у Хэ Яна словно гора с плеч свалилась, однако врачи выявили иную проблему: гипоксия привела к нарушению мозгового кровообращения, что и стало причиной недавнего обморока и мучительной бессонницы дяди. Сердце, слава богу, оказалось в порядке, но общее состояние Лу Юйвэня всё равно вызывало тревогу: склерозирование артерий превратило его организм в тикающую бомбу, способную взорваться в любой момент. Если в ближайшее время он не возьмёт себя в руки, не начнёт отдыхать, не займётся своим здоровьем, последствия могут быть самыми фатальными.

Лу Юйвэнь унаследовал характер своего покойного отца: такой же жёсткий, властный, решительный. Ради дела, которое любил, он мог забыть о сне и еде, работать сутками напролёт, не замечая времени. Годами он нёс на своих плечах груз, который мог бы раздавить троих, и делал это молча, не жалуясь, считая своей обязанностью. После этого происшествия, к счастью, закончившегося лишь испугом, но испугом серьёзным, руководство дало ему прямое указание: никаких перегрузок, строгий режим труда и отдыха, и в приказном порядке отправило в двухмесячный отпуск восстанавливаться дома.

В день выписки Лу Юйхан устроил в честь старшего брата небольшое семейное торжество. Собрал самых близких в одном из ресторанов при гостинице, принадлежащей корпорации «Лу». Отметить, что всё обошлось. А раз обошлось, значит, праздник. Что может быть важнее, чем когда близкого человека минует беда?

Накрыли целых пять столов, ломившихся от яств, и в воздухе плыл густой, пряный аромат утки по-пекински, смешанный с лёгким запахом рисового вина и дорогих духов. Хрустальные люстры отбрасывали на белоснежные скатерти дрожащие, золотистые блики, и приглушённый гул голосов сливался в единую, почти осязаемую волну. Где-то звенели бокалы, и этот хрустальный перезвон, обычно такой праздничный, сейчас резал слух, напоминая о том, что он здесь чужой на этом пиру. В центре восседали трое братьев Лу, хозяева вечера. Рядом с ними сидели Лу Вэньвэнь и супруги Лу Тинфэн с Хэ Яном.

Хэ Ян чувствовал себя крайне неуютно: в этой роскошной, многолюдной обстановке он остро ощущал свою чужеродность, слишком явно чувствовал себя лишним среди блестящей, уверенной в себе родни, половины которой даже не знал по именам. Каждый косой взгляд воспринимался как оценка, каждый шёпот как осуждение. Он сидел, сжавшись, стараясь занимать как можно меньше пространства, втянув голову в плечи, и чувствовал, как тонкая ткань рубашки неприятно липнет к вспотевшей спине. Мысленно он считал минуты до того момента, когда можно будет уйти, закрыть за собой дверь и остаться наконец одному.

Когда тётя Лу Тинфэна, Лу Цзин, подошла к нему со своими детьми, чтобы познакомиться, Хэ Ян весь сжался внутри, как человек, который заранее ждёт удара. Он вежливо поздоровался, ответил на все вопросы коротко, осторожно, тщательно взвешивая каждое слово, боясь сказать что-то не то, что могут истолковать превратно.

Лу Цзин была женщиной незаурядной, с детства отличалась редким умом и талантом, уехала учиться за границу, потом там и осталась — работала, добилась успеха, стала в своих кругах

человеком известным. Но с отцом у них отношения не сложились никогда. При всей её гениальности, ей катастрофически не хватало простого житейского чутья. В своё время она, не спросив родителей, сбежала из дома и вышла замуж за нищего музыканта, игравшего рок-н-ролл, парня, у которого за душой не было ни гроша. Родила ему двоих детей — сына и дочь.

Наверное, первые полжизни судьба слишком баловала её, чтобы потом ударить побольнее.

Её муж, Цзяхао, оказался неверным супругом, менявшим любовниц одну за другой, несколько не заботясь о жене, которая только что подарила ему детей. Лу Цзин терпела, закрывала глаза, убеждала себя, что это пройдёт, что ради детей надо сохранить семью. Но всему приходит конец.

Однажды, вернувшись домой с рынка, она застала в своей постели мужа с любовницей, и в тот миг мир рухнул. Её затрясло так, что кровь, казалось, остановилась в жилах. Слеплённая яростью, она схватила тяжёлую палку и избивала изменников до изнеможения. Последствием стал развод.

Она вернулась на родину с детьми, одна, без гроша за душой, с разбитым сердцем и клеймом позора, и начинать пришлось с нуля. Рассказать родным о том, что случилось, она не решилась: слишком стыдно. Она и так опозорила семью Лу своим замужеством, а теперь ещё и этим... С отцом она рассорилась ещё в молодости, на его похороны не приехала, с братьями почти не общалась, а за глаза о ней судачили, перемывали косточки. Как после всего этого было сунуться в родной дом?

Годы шли, она подняла детей, выстроила свой бизнес, залечила раны, насколько это вообще возможно. А потом, уже много лет спустя, случайно столкнулась в ресторане со вторым братом и его женой: просто вышла поужинать с детьми. Так, мало-помалу, связь стала налаживаться. Лёд тронулся, отношения перестали быть такими холодными. А потом она уже и с детьми стала приезжать в старую усадьбу погостить, пожить.

Лу Цзин была благодарна уже за это. Но её детям, когда они выросли, такой малости оказалось недостаточно.

Осознавая своё родство с могущественным кланом Лу, они не могли смириться с жизнью в обычных квартирах. Их грызла зависть к роскоши родственников и чувство несправедливости: почему они лишены доли в бизнесе и статуса? Почему те живут во дворцах, купаются в роскоши, а они прозябают в обычных квартирах, ездят на дешёвых машинах и влачат жалкое существование простых смертных? Они постоянно пилили мать, требуя ответа: почему у них нет ни копейки акций, ни доли в семейном бизнесе? Почему они должны довольствоваться обедками с барского стола?

Лу Цзин пыталась объяснить, но они не слушали. Пыталась урезонить, но бесполезно. Чувство вины грызло её изнутри: она была должна и семье Лу, и собственным детям. И делала всё, что могла, чтобы хоть как-то им помочь.

Уже потом, позже, она узнала, что отец перед смертью заставил Тинфэна жениться на мужчине. Родня, конечно, была не в восторге, но что поделаешь, если нынешний глава семьи, Лу Юйвэнь, этого мальчика любит и во всём ему потакает? А раз так, то и ей, тётке, стоило бы завязать с Хэ Яном попрочнее отношения — авось пригодится.

Вот только её дети, дочь Май Лили и сын Май Чжэхань, смотрели на Хэ Яна с откровенным презрением.

Подумать только: какой-то мужик, всего лишь смазливый мордашка, умудрился пролезть в высшее общество, да ещё и сидит за главным столом, рядом с теми, кто по праву крови должен быть их миром! У них просто в голове не укладывалось. Неужели у этих Лу совсем мозги набекрень? Вокруг полно красивых женщин, а они выбрали мужика? Да ещё и посадили на почётное место?

Май Лили давно уже положила глаз на своих двоюродных братьев, высоких, статных, писаных красавцев. Женщина всегда оценивает мужчину глазами, и перед этими двумя она просто теряла голову. Она лебезила перед ними, старалась понравиться, ловила каждое их движение, заглядывала в глаза, но в ответ получала лишь холодные кивки и ничего не значащие «здравствуй». Ни Лу Тинфэн, ни Лу Тинхао не достаивали её даже намёком на симпатию. Для них она была пустым местом, очередной навязчивой родственницей, от которой хочется поскорее отделаться.

И после этого она должна была хорошо относиться к Хэ Яну? К этому выскочке, который получил то, о чём она могла только мечтать? Как бы не так. Перенеся свою фрустрацию на Хэ Яна, видя, как этот «никто» пользуется привилегиями, о которых она могла только мечтать, она не упускала возможности язвить и оскорблять его, то в лоб, то намёком, цедя ядовитые фразочки, пытаясь задеть его самолюбие и хоть как-то удовлетворить свою уязвлённую гордость.

«Я мог бы ответить. Мог бы поставить её на место. Но какой смысл? Она не стоит моего гнева. Никто здесь не стоит».

Хэ Ян слышал всё. Каждое слово отдавалось в нём глухой болью, но он не хотел скандала. Тем более здесь, среди чужих людей, где каждое его слово могут истолковать превратно, где любая его реакция станет ещё одним доказательством того, что он чужой в этом доме. Он молча пил воду из стакана и делал вид, что не слышит.

Май Лили, поняв, что зацепить его не удаётся, что он не реагирует на её уколы, как будто они отскакивают от бетонной стены, надулась и демонстративно пересела за другой стол. Её каблуки простучали по мраморному полу, как барабанная дробь, затихающая вдалеке, и несколько голов повернулись ей вслед. Её злость, не найдя выхода, обратилась внутрь и теперь жгла её изнутри.

Лу Вэньвэнь же, напротив, озаботилась тем, чтобы освободить место для родителей и брата. Она подошла к Хэ Яну, даже не потрудившись скрыть пренебрежение в голосе, и без тени

смущения предложила ему пересесть подальше, в самый угол дальнего стола, туда, где сидела мелкая родня и почти чужие люди.

— Скоро придут мои родители и брат, — пояснила она тоном, не терпящим возражений, словно он был прислугой. — Им нужно где-то сидеть. Места как раз впрыток. Или ты хочешь, чтобы мой брат, как последний человек, сел где-нибудь с краю?

Она даже не спросила, она приказала. В её глазах он был не членом семьи, а досадной помехой, которую нужно убрать с глаз долой, чтобы не портить картинку. Хэ Ян почувствовал, как к щекам прилила кровь — не от стыда, а от глухой, бессильной ярости, которую он тут же подавил, загнал глубоко внутрь, туда, где уже скопилось слишком много непрожитой боли.

Хэ Яну было всё равно. Единственное, чего он хотел: чтобы этот ужин поскорее закончился, чтобы он мог уйти отсюда, закрыть за собой дверь и остаться наконец один, в тишине, где никто не будет его рассматривать, оценивать, унижать. Он молча встал и, чувствуя на себе чужие взгляды, словно прилипшую к коже паутину, перешёл туда, куда ему указали, стараясь не встречаться ни с кем глазами. «Вот так. Тихо. Незаметно. Как мышь, которую выгнали из-за стола. Пусть. Лишь бы не трогали. Лишь бы оставили в покое».

На новом месте, в самом углу, задвинутый за чужую спину, он почувствовал почти облегчение. Здесь пахло не духами и вином, а нагретой тканью и едва уловимым запахом старого дерева от панелей на стене. Свет люстр сюда почти не доходил, и в этом мягком полумраке было спокойно, как в норе. Здесь, в тени, он был невидим — как свеча, которую задули, но фитиль ещё тлеет, невидимый в ярком свете люстр. Здесь никто не обращал на него внимания. Здесь можно было просто сидеть и ждать, когда всё кончится.

Рука сама собой потянулась к животу, короткое, незаметное движение. Там, внутри, билась маленькая жизнь, и Хэ Яну казалось, что сквозь ткань он чувствует это крошечное, ритмичное сердцебиение, заглушающее шум чужого, враждебного мира. Ради неё он готов был терпеть всё. Ради неё он готов был сидеть где угодно: хоть в самом дальнем углу, хоть на полу, хоть в прихожей. Потому что там, внутри, была его настоящая, единственная семья.

<http://bllate.org/book/16098/1569490>